

Доклад 3. Русский мемофонд: эволюционный потенциал Русской идеи

Алексей Сергеевич Нилогов

Кандидат философских наук, заведующий лабораторией генеалогических исследований Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, член Центрального совета Российской генеалогической федерации, действительный член Академии философии хозяйства.

Сейчас тема моих научных интересов переключилась в область генеалогии, в область генетической генеалогии, поэтому и название моего доклада звучит как «Русский мемофонд».

Я постараюсь объяснить, о чем идет речь. Вообще, слово «мем» в переводе означает ментальный вирус, который, попадая в сознание, мозг людей, начинает там копироваться, жить собственной жизнью, и, подобно генам, которые копируются и реплицируются, он, в рамках символического статуса, в рамках культуры, живет собственной жизнью. Часто люди не подозревают, насколько их мысли, их идеи и концепты начинают жить самостоятельной жизнью. Но обычные люди после себя, как правило, оставляют «эгоистичные» гены, то есть передают свои генетические субстраты потомкам. А вот люди, которые остаются в истории в качестве каких-то выдающихся личностей, деятелей, — они в основном живут после биологической смерти в виде вот таких мемов. Таких идей, которые дальше транслируются, копируются, соединяются с новыми идеями и обогащают символический мир человеческой культуры своим наполнением.

Но, поскольку все эти термины не русского происхождения, в этом ничего опасного нет. Я попытался, учитывая специфику сегодняшнего исторического момента, поговорить о том, что же собой представляет наш русский «мемофонд» по сравнению с «мемофондом» коллективного Запада, с которым мы сейчас активно и на символическом, и на культурном уровне боремся.

Понятно, что мы, как лекторы, всегда носим в своем мозгу, в своем сознании идеи, вычитанные из различных книг, принятые у различных авторов, и часто человек не имеет собственной точки зрения, а пытается говорить теми мыслями, теми темами, которые он почерпнул у дру-

гих собратьев по разуму, других авторитетных людей. Трудно иногда вычленил его собственные мысли. Это всё к теме моего выступления — «мемофонд».

Поскольку я в последнее время занимаюсь именно генетической генеалогией, различными популяционными вещами, читаю много литературы по дарвинизму, по эволюционной теории, то в моем сегодняшнем выступлении будут соответствующие термины. Я попросил бы, собственно, мою позицию в конце не редуцировать к этим текстам: не делать ее слишком генетической и биологизаторской. Без разъяснения того, что же происходит в мире на уровне этих терминов, мне не обойтись без них.

Значит, я написал сегодня утром в виде тезисов: коллективный Запад решил исключить Россию не только в рамках вот этой культуры отмены, но и в целом, в рамках экзистенциализма, который мы сейчас на себе переживаем. Решил исключить Россию как отдельную цивилизацию из конкурентной борьбы за жизненное и ментальное существование — они просто поставили под вопрос наш суверенитет. Речь идет уже не просто о потере суверенитета, а о том, что нас пытаются стереть из истории, устранить все следы нашего пребывания в бытии и тем самым устранить очень опасного и очень сильного конкурента. Тем самым Запад лишает нас участия в дарвиновской эволюции вот за те самые «гены-мемы», которые мы носим в себе и передаем будущим поколениям. Большинство в виде потомков, меньшинство в виде идей, концептов, смыслов, в виде философских литературных текстов и так далее.

В перспективе такая политика коллективного Запада, с моей точки зрения, путем исключения России может поставить под вопрос их собственное существование потому, что это будет сужать разнообразие борющихся за существование форм жизни и мысли. Поскольку мы, как независимая российская цивилизация, представляем собой отдельный материк, отдельный континент, исключение нас из этой конкурентной борьбы будет для Запада означать очень серьезную проблему. Они уже с ней столкнулись, когда развалили Советский Союз, потеряли очень хорошего, в каком-то смысле даже надежного противника и никак не могут с этим смириться до сих пор, пытаясь уже Российскую Федерацию — обломок Советского Союза, уничтожить и перекинуть свои силы на деконструкцию Китая. В этой связи они используют такую идеологию, как русофобия. Но я предпочитаю объяснять русофобию коллективного Запада опять же в терминах дарвиновской эволюции, то есть в логике естественного отбора: борьбы за существование, выживание наиболее приспособленного.

В генетическом смысле речь идет об этнической разнообразии российского многонационального народа, а в культурологическом смысле речь идет о смысле идеи «мемов» русского мира. Вот почему мы, осознавая то, что нас пытаются физически уничтожить, вынуждены сопротивляться и в физическом, и в ментальном плане, продвигая свое видение русского мира, пытаясь навязать и самим себе, прежде всего, и остальному миру право на существование в виде определенной самобытности, определенного многообразия. Поскольку под русским миром мы понимаем не только коренной этнос Российской Федерации, но и все коренные народы, проживающие на нашей территории. Как недавно я услышал от одного из коллег: «В России нет некоренных народов, все народы, которые на территории России проживают, – они все коренные. Нет никаких титульных наций и этносов, все люди, которые здесь исконно на протяжении десятков и сотен поколений проживают – они все являются коренными».

В таком территориальном смысле это означает, что мы боремся и отстаиваем свою позицию, свою землю, как ту территорию, на которой похоронены наши предки. И за честь и за их подвиги мы боремся, потому что они своей кровью, своими генами эту территорию окропили. Как бы мы ни пытались перейти на более высокий метафизический уровень объяснения, все равно нельзя забывать, что мы являемся биологическими существами и это биологическое в нас неистребимо.

В смысле происхождения на уровне генеалогической самоидентификации это вообще примордиально, потому что мы не можем отказаться от своих предков, мы не можем изменить свое генеалогическое и генетическое наследие, поэтому мы вот такие, какими создали нас сотни, тысячи, миллионы до нас живших предков.

Такое мое понимание сути происходящего не является редукцией к социал-дарвинизму – в этом можно заподозрить, потому что наука XXI века сумела существенно продвинуться в понимании человеческой природы на уровне ДНК, доказав родство всех людей и всей жизни на земле.

На заре социал-дарвинизма были модные философские течения, когда и Спенсера, и Дарвина, и того же Ницше пытались в качестве очень дешевой идеологии поставить на службу различных расовых и видовых шовинизмов, дискриминаций. Но время это закончилось победой научного знания, и сегодня в рамках генетики, которую уже изучают в школе, понятно, что родство людей между собой уже давно-давно доказано, как и родство всей жизни на земле, идущей из общего корня.

Значит, несмотря на такое генетическое родство, ментальное различие выносит борьбу за существование уже на символический уровень культуры, где за жизнь борются не гены, а мемы. То есть идеи, концепты, метафоры, понятия, смыслы и термины, и в рамках онтологического обоснования русской идеи нам это нельзя забывать, потому что в словах очень много смыслов. Если мы не хотим, чтобы наши смыслы были мертвыми, чтобы они не превратились в анти-слова, надо понимать их субстрат, то есть на чем все эти слова, эти смыслы основаны.

Уровень культуры является продолжением борьбы эгоистичных генов в мире мемов, идей. Приведу такой пример, может, кого-то он обидит, но характерологически, по аналогии, он подходит для схематизма в объяснении. Мы знаем, что в мире природы животные своими экскрементами метят территорию, то есть помечают места своего ареала обитания, показывая тем самым – это наше место, сюда не заходить, здесь наше жизненное пространство. Ну а как поступают люди в мире человеческой культуры? Они помечают свои жизненные культурологические пространства своими идеями, то есть помечают свое смысловое пространство, создавая наиболее благоприятные условия для копирования собственных представлений о мире и бытии. То есть мы мемами, своими ценностями, своими представлениями о мире пытаемся обосновать, осознать, отразить собственную картину мира и понимаем, когда на нашу смысловую территорию заходят другие, чуждые нам ценности, идеалы – мы это хорошо чувствуем.

При этом понимая, что между этими идеями в конечном итоге развернется борьба за существование и тот, кто навязет свой мемофонд на генетический субстрат, на генофонд – он и одержит победу и в конечном итоге приберет эту территорию, эти смыслы к себе. Если данные мемы-идеи как ментальные паразиты в мозгах, в сознании людей оказываются противоречащими объективной действительности, то их носители рискуют быть устранены из конкурентной борьбы мемофонда. Это очень полезная мысль, потому что мы должны осознавать, что, говоря о русском мире, мы все-таки не должны обманываться и выдавать желаемое за действительное. Если дважды два равно четыре, то лучше согласиться с именно таким видением мира, а не выдумывать различного рода плоские схемы, какие-то слишком вычурные объяснения для того, чтобы высказать и показать свою уникальную самобытность. Обвинение представленной позиции в редукции, так или иначе, на мой взгляд, не изменит ход эволюционной борьбы, потому что невозможно отменить фундаментальные законы физики, химии, биологии, и, поскольку биологическая, генетическая жизнь построена на принципе

конвариантной редупликации – термин Тимофеева-Ресовского, который, кстати, находясь в нацистской Германии в годы Великой Отечественной войны, занимался своими генетическими исследованиями.

Поскольку в мире культуры человек по аналогии копирует уже известные идеи, то есть это обычаи, традиции, ценности, то путем соответствующих адекватных изменений, внесения правок он передает их будущим поколениям в виде переоцененных ценностей. То есть в виде таких ценностей, которые соответствуют реалиям. Они становятся релевантными новым условиям природной и культурной среды. Среда технологической, в которой человечество живет, совершенствуется и продолжает развиваться.

Принцип конвариантной редупликации в генетике означает то, что наша ДНК, несущая наследственную информацию о наших предках, реплицируется неизменными вариациями, то есть мутациями. Без этих мутаций разнообразие жизненных форм не было бы возможным, поэтому все мы в генетическом смысле мутанты. Вот сама эта «мутационность», то есть наличие определенных замен нуклеотидов ДНК, позволяет нам получать более разнообразный генетический субстрат для ответа на те условия постоянно меняющейся среды, которые могут поставить нас на грань биологического выживания. Но если мы будем поставлены на грань биологического выживания, то никакие смыслы, никакие причудливые и вычурные схемы нас не спасут. Можно согласиться, что представленная точка зрения – генетический дарвинизм, доведенный до абсурда и перенесенный на человеческий мир культуры. Я могу с этим согласиться, это действительно так, поскольку раньше мы довольствовались тезисом родственника Достоевского, генетика Добржанского, который уехал из России после революции. Он говорил: «Ничто в биологии не имеет смысла, кроме как в свете эволюции». Сегодня же на арену вышел тезис немецкого генетика Поссарда, который утверждает, что ничто уже в самой эволюции не имеет смысла, кроме как в свете генетики.

Когда мы эти все фундаментальные механизмы понимаем, то мы можем и на мир человеческих взаимоотношений посмотреть под другим углом и понять все-таки, какими инструментами, какими объяснительными схемами люди руководствуются, чем они ведомы, когда пытаются обосновать ту или иную позицию.

Подмена фундаментальных законов физики, химии, биологии понятиями духовности, религиозности не отменит бытийное действие этих законов, так как ДНК и, в частности, гены продолжают реплицироваться и мутировать, а когда иммунитет организма культуры ослаб-

нет, то носители данных генов – мемов, смыслов будут съедены соседями: бактериями, вирусами. Когда ослабнет территория, ослабнут границы – придут враги, захватят ее. Ослабнет наша объяснительная схема о действительности – наши ценности и смыслы, которыми мы пытаемся объяснять свою точку зрения, свой взгляд на мир – нам навязжут другие объяснительные схемы, заставят в них поверить, и мы будем на ментальном смысловом уровне перекованы уже под другие ценности.

История насыщена такими примерами, хотя, по словам Гегеля, конечно, история учит лишь тому, что она ничему не учит, это тоже нужно иметь в виду. В принципе, это закономерно, потому что новая поросль, новое поколение: дети, внуки – они хотят совершать собственные ошибки, невзирая на опыт отживающих поколений дедов и отцов. В этом заключается конфликт отцов и детей, и это все объяснимо с точки зрения эволюционного подхода. Поэтому бороться с коллективным Западом, как мне кажется, необходимо исключительно на уровне дарвиновской эволюции, как в биологическом, так и в символическом смыслах. Коллективный Запад будет наказан именно за то, на мой взгляд, что он решил исключить Россию из конкурентной борьбы в многообразии за многообразие, выбрав принцип собственной исключительности для подмены естественного и искусственного отборов. Вот когда начались эти события в феврале, когда была сформулирована в академических терминах так называемая «культура отмены», а в нашей стране до сих пор продолжают проводиться бесплодные конференции по поводу диалога культур, я бы предложил провести конференцию по диалогу отмененных культур и собраться тем представителям, которых коллективный Запад пытается отменить в рамках своей идеологии исключительности. Субстрат этой русофобии коллективного Запада, на мой взгляд, – их генеалогическая память о проигранных войнах с Россией. Почему я заговорил о том, что я генеалог? Потому что это работает. Генеалогическая подоплека русофобии состоит в том, что сегодня на западе правят потомки тех, кто через свои семейные воспоминания передал память предков о ненависти к России. Память о том, что их предки когда-то были побеждены Россией, и потому возник соблазн реванша, попытки наказать Россию за проигранные странами Запада сражения, войны. Поэтому, на мой взгляд, геноцификация Европы, а не только Украины – вот, к чему следует стремиться, борясь с генеалогией через призму памяти победителей нацизма против генеалогической покоренческой памяти сторонников нацизма, фашизма и их исключительности как таких, переводя на биологический язык, узкоспециализированных

представителей человеческого вида, рискующих гарантированно вымереть и прервать цепь передачи генов-мемов.

Я считаю, что этногенетическое разнообразие человеческой цивилизации обладает большим запасом прочности для репликации идей Достоевского, Толстого и прочих людей: философов, ученых. Мы, как человеческая цивилизация, должны по заветам наших русских космистов выйти за пределы этой брэнной планеты и распространять свою идеологию, свои идеи, свои мысли в космос и вносить человеческий фактор в эволюцию уже не просто в рамках конкретной планеты, но и ближайшего космоса, и в целом вселенной.

Но, повторюсь, говоря о смыслах в терминах дарвиновской эволюции, надо понимать, что для нее, для этих механизмов, которые когда-то были запущены и теперь продолжают свою работу, неважно, кто одержит победу в этой борьбе – нацисты или антинацисты.

Эволюция в переводе означает всего лишь развертывание рулона бумаги или свитка. Когда мы берем древние манускрипты, пытаемся их развернуть – вот эволюция. Это и есть вот это развертывание. Это не развитие, не прогресс, это просто показ того, что развертывается, и в эволюции нет никаких строгих целей – она не за прогресс и не за регресс, она как слепой механизм в рамках естественного отбора. Отбирает тех, кто смог приспособиться к изменившимся условиям окружающей среды, и отбирает тех, кто смог передать будущим поколениям намерение дожить до репродуктивного периода, а потом уже и передать свой генетический и меметический материал потомкам. Меметический в плане ценностей, идей, смыслов, семейных преданий. На протяжении всего периода нашей жизни – воспитания, образования, мы занимаемся тем, что транслируем, то есть копируем, реплицируем не только свою ДНК в виде биологических потомков, но и меметическую память о том, что мы когда-то существовали и совершали какие-то подвиги. Мы надеемся на то, что наши потомки обязательно будут нас помнить и чтить, борясь за те земли, за те смыслы, которые мы когда-то отстаивали.

Хочется, конечно, чтобы был прогресс, но консервативность механизмов репликации ДНК: это я говорю в противовес генетической инженерии, которая сейчас развивается – гарантирует выживание наиболее приспособленных к передаче своих геномов. Но в случае глобальной катастрофы она рискует оборваться, когда уже наступит такая доэволюционная стадия, дожизненная стадия. Пока человек полноценно не вышел в космос – не стал фактором космической эволюции – это привет как раз от наших русских космистов: Федорова, Циолковского, Королева, Гагарина – человеческая цивилизация будет погружена

в пучину дарвиновской эволюции на уровне земного биоценоза с перспективой полного вымирания или возврата в каменный век, если мы между собой не договоримся. Если мы, например, в перспективе не вернемся к идеологии мирного сосуществования, которая была популярна еще в 1960-е – 1970-е годы.

Русофобия коллективного Запада – это его ментальная защита против России как самобытной цивилизации, с которой он пытается бороться подобно тому, как одни бактерии с помощью специальных химических веществ, известных нам под термином «антибиотик», борются с другими бактериями за свое жизненное биохимическое пространство. На примере коллективного Запада за свое «мемное» смысловое пространство, за те ценности, которые они пытаются навязать нам, которые мы частично принимаем, а частично нет. Если мы не хотим превращаться, подобно им, в оголтелых антизападников, то мы должны извлекать из их смысла самое ценное и жизнеспособное для наших нужд. Этим мы привнесем человеческий гуманизирующий фактор в дарвиновскую эволюцию генов и идей.

То есть мы, говоря о русском мире, часто подразумеваем борьбу за факты, за справедливость, за духовные ценности, но они тоже могут нам предъявлять именно такие аргументы, поэтому борьба идет не только на уровне фронтов, на уровне окопов, она идет и в ментальном мире.